

В ИРКУТСКЕ, У ВАМПИЛОВЫХ.

В ЕГО комнате пахнет Ангарой, потому что дом стоит почти у самой воды и окно выходит как раз на реку. Саня любил этот напористый и прозрачный ангарский холод, его всегда тянуло к воде: «Может, пройдемся по набережной?» Вот и тогда сказал: «Я, мама, съезжу на Байкал на недельку...» И ушел навсегда.

И светится теперь на кирпичной стене доска из белого мрамора: «В этом доме жил известный советский драматург, лауреат премии имени И. Уткина Александр Вампилов (1937—1972)». Сколько раз мама, Анастасия Прокопьевна, вглядывалась в эти строки... В Саниной комнате она оставила все, как было при сыне: его стол, его лампу под зеленым абажуром, его книжный шкаф, его кровать... Кусочек сердолика — тоже «Санин камень»... Правда, свои книги, что теснятся теперь в шкафу, изданные на разных языках, увидеть он не успел. И большинство театральных афиш, занявших в комнате всю стену, и тоже на самых разных языках, появилось уже потом...

В мае семидесятого прилетел я по заданию одного журнала в Иркутск: требовался проблемный очерк, подсказанный судьбами выпускников местного университета. И вот, когда стал искать героев будущего очерка, среди прочих имен впервые услышал: Валентин Распутин, Александр Вампилов. Да, тогда, весной семидесятого, ни тот, ни другой на берегах Невы, в отличие от берегов Ангары, известны еще не были, хотя Вампилов, например, к тому сроку уже успел написать, пожалуй, все свои пьесы. Тут же иркутяне дали мне прочесть первую повесть Распутина «Деньги для Марии», в тот же вечер в областном драматическом театре удалось увидеть вампиловского «Старшего сына», а назавтра — встретиться с Валентином и Саней.

Мы сидели в старом доме на улице Пятой армии, где издавна собираются иркутские литераторы, друзья рассказывали о жите-быть, а я торопливо записывал, боясь пропустить их какие-то очень своеобразные слова и обороты...

Листаю сейчас старый блокнот и снова как бы слышу громкий голос Вампилова: «Драматургия — наиболее совершенная форма выражения действительности. Краски плюс слово плюс ожившая скульптура. Лес-синг был того же мнения... А в точки зрения требования к автору это самое беспощадное искусство: все на виду, никого не обманешь...» В другом месте: «Разделяю гоголевский взгляд на театр, драматургию, жизнь. Удивительно, что на Западе Гоголь не имеет такого успеха, как Толстой и Достоевский. Запад его еще не понял...» Или такое вот признание: «Когда сочиняю, стараюсь не только что-то высказать другим, но и в чем-то разобраться с самим собой. Если мне все ясно, если сам не взволнован, то и зритель волноваться не будет. В каждой пьесе прежде всего ищу ответы на собственные вопросы...»

Закончив интервью, я вывел друзей на улицу, под тополя, где они терпеливо ждали, пока отщелкаю своим «Зорким» всю пленку. Потом, в редакции журнала, именно эта глава, увы, вылетела из очерка по причине недостатка места, и именно эти фотокадры, по совсем уже фатальному стечению обстоятельств, пропали там же неизвестно куда... Впрочем, моим коллегам казалось, что зря я так бурно переживаю: ну, подумаешь, еще один молодой прозаик,

еще очередной молодой драматург... Такое ли уж событие?

Через год оба эти имени знали все. Через два — Вампилова не стало.

Жизнь Анастасии Прокопьевны выпала негладкая, судьба ее не ласкала: совсем еще молодая осталась с четырьмя детьми на руках без мужа, потом в шестнадцать лет от порока сердца умер Володя, и вот Саня... Младшего сына они с Валентином Никитичем назвали в честь Пушкина: Саня родился в памятный год столетия со дня смерти поэта. Тогда же вышел полное собрание сочинений Александра Сергеевича, и отец на радость приобрел эти светло-коричневые тома — «для Сани». Просто непостижимо, как смог он столь снайперски предугадать вкусы и интересы своего малыша: пройдет время, и эти шесть томов станут для сына самыми необходимыми. А еще на Саниной полке из поэтов в большом почете были Лермонтов, Есенин. Потом к ним добавится Николай Рубцов...

Старинное сибирское село Кутулик — деревянное, пыльное, с огородами, со стадом частных коров, с церковью, переоборудованной в кинотеатр, но — с гостиницей и стадионом... «...Кутулик от деревни отстал и к городу не пристал, — напишет однажды Саня, вспоминая детские годы. — Словом, район центр с головы до пят». Они жили в длинном, барачного типа доме, сложенном из лиственничных бревен и обшитом тесовыми досками. Дом стоял напротив школы и назывался «учительским», потому что здесь квартировали только учителя.

Вот и Анастасия Прокопьевна преподавала математику, работала завучем — двадцать два года отдала этой школе. Саня, когда пошел в первый класс, сначала надеялся скрыть от друзей, что мама — завуч. Став старше, больше всего боялся какого-нибудь особого отношения к «сыну учительницы»; но «особого отношения» и не требовалось, потому что учился он ровно. Анастасия Прокопьевна задумчиво улыбается:

— Любил геометрию, особенно стереометрию, объяснял эту сврю привязанность: «Тут фантазия требуется...» А вот алгебра — не очень. Однажды признался: «Алгебра, мама, я только из уважения к тебе учу...»

И бабушка у Сани в прошлом тоже была учительницей, образование имела не только педагогическое, но и музыкальное. Однако к тому времени года ее были уже преклонны, и в школе Александра Африкановна, естественно, не работала. Зато уж сказок разных своему младшему внуку успела поведать великое множество... Со сказок-то все и началось... И музыка тоже рано вошла в его жизнь — старинными бабушкиными песнями. Освоить мандолину Саня помогали другие, с гитарой разобрался сам, даже организовал в школе оркестр народных инструментов. Позже играл на домре, на пианино — слух у него был отменный... И вспоминает теперь мама, как тихо и печально пел сын: «Гори, гори, моя звезда...», как мог без конца слушать «Героическую симфонию», «Крейцерову сонату», «Этмонта» — Бетховен вообще был его страстью, — как любил оперу, как, на-

На этом снимке из семейного альбома Александру ВАМПИЛОВУ — 17 лет.

конец-то оказавшись в Москве, в первый же вечер прорвался в Большой на «Князя Игоря»... Он и в драмкружке себя попробовал (в «Молодой гвардии», например, играл Сергея Тюленина), и рисовал хорошо — басменный член редколлегии школьной стенгазеты. Особенно получались у Сани шаржи, карикатуры. (Эта страсть не оставила его и потом. Когда-то в Иркутском доме писателя Вампилов выпустил первый номер сатирической стенгазеты, название которой тоже сам придумал — «Грубьян». «Грубьян» выходит до сих пор, только 8 марта название меняется — «Грубьяночка». Это тоже была его идея.) Школьные сочинения Вампилова отличались от других тем, что из учебника Саня не списывал. О каких бы «образах» ни шла речь, в его листах всегда было «свое» — свои впечатления, свои мысли, своя боль...

И еще был тогда в его жизни футбол. Играли часами, до полного изнеможения, до темноты на горбатым пустыре с одними лишь футбольными воротами, границы других вольот обозначали портфелями. Соперник постоянный — команда шахтерского поселка Забитуй. А однажды доблестная кутуликская команда отправилась добывать себе спортивную славу в Зиму, за девяносто километров. Ехали, естественно, без билетов, и всю дорогу, до самой Зимы, Саня и его друзья вместо разминки бегали от контролеров по вагонам, даже по крышам вагонов...

Любил речку Белую, что протекала совсем неподалеку, — с Юркой Мишеновым, Пашкой Шагаловым и другими друзьями-приятелями часто устраивал походы на лодках. Любил собак — всегда у него кто-то был: то Бой, то Буска, то Пират... Когда Пират пропал, Саня три дня бродил по лесу, все надеялся: вдруг отзовется? В лесу он чувствовал себя как дома и постоянно таскал туда окрестную малышню — за ягодами, грездями, маслятами... Уже учился в Иркутске, а мальчишки в Кутулике все не давали Анастасии Прокопьевне прохода: «Когда Саня приедет?» Приезжал, собирал их мигом — и в лес. Рассказывал про университет, что стоит на берегу Ангары, про свой филфак...

На филфаке в самой его атмосфере присутствовало нечто такое, отчего обычные лю-

ди вдруг становились немножко поэтами. На их курсе писали почти все, а Вампилов даже выпустил книжечку юмористических рассказов «Стечение обстоятельств» под псевдонимом — А. Санин. Рассказ, давший название книжке, начинался так: «Случай, пустяк, стечение обстоятельств иногда становятся самыми драматическими моментами в жизни человека...» Как заметил его друг, писатель Вячеслав Шугаев, «мысль эту он в той или иной мере разовьет в своих пьесах и в полной мере подтвердит своей гибелью».

Рассматриваю его студенческие фотографии. Самые разные кадры: в аудитории, на Ангаре, на первомайской демонстрации... А этот забавный снимок сделан «на картошке»: три друга верхом на колхозных конях. Борис Леонтьев — в центре, справа — Игорь Петров с кошой, слева — Саня с вилами. В общем, точная копия васнецовских богатырей.

Писал обычно ночью. Заварит, бывало, кофейку покрепче, и потом до самого рассвета не гухнет над его столом лампа... Утром иногда читал вслух, что получилось, — мама только задумчиво головой качала...

После университета работал в местной молодежной газете, но однажды вдруг сказал Анастасии Прокопьевне:

— Я, мама, из газеты ухожу. Газета — дело суетное, а я хочу пьесы писать.

— Что ты, Саня? Это же, наверно, ужасно трудно...

— Попробую.

Потом, когда его пьесы пошли по театрам, как-то напомнил ей с улыбкой:

— Вот видишь, мама. А ведь ты в меня не верила...

И подарил ей книжечку со «Старшим сыном», сопроводив короткой надписью: «Дорогой маме от младшего сына».

На столе деревянная фигурка косца — это Саня преподнесли в Клайпедском драматическом театре на память о премьеры: одними из первых его пьесу «Прощание в июне» решили поставить именно там, вдали от родной Сибири. А у нас, в Ленинграде, раньше других к его драматургии обратились в театре на Литейном, но случилось это позже. В тот же год Саня подружились и с Б.А.Т. Он очень гордился этой дружбой, на премьеру «Провинциальных анекдотов» приехал вместе с Олей, женой. Вернувшись, рассказывал:

— Спектакль приняли хорошо. Довольные, отправились мы с Олей на вокзал, сели в вагон, вдруг смотрю в окно — Георгий Александрович и все-все артисты! Представляешь, мама, приходи проводить!..

А вот это признание Товстоногова услышать Саню, к сожалению, уже не довелось: «Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилова, по моему убеждению, почти совершенство... Мне казалось, что там нельзя убрать ни одной запятой. Пусть это не покажется преувеличением.

Нет, это не кажется преувеличением, потому что зритель в разных уголках земли талант Вампилова сумел оценить по достоинству. Один критик очень

точно заметил о Сане. «У него было чувство ножа на современный язык». Кроме того, мне думается, особенность его таланта состояла из двух категорий из глубокой социальности и из умения быть очень точным как мертоном своего времени. Вот почему в самых разных городах, в самых разных театрах, при самом разном прочтении одних и тех же его пьес зрительская реакция остается одинаковой.

А эти слова принадлежат Валентину Распутину: «Кажется, главный вопрос, который постоянно задает Вампилов: останешься ли ты, человек, человеком?»

Анастасия Прокопьевна задумчиво произносит:

— Однажды на одном вечере посвященном Саню, кто-то из выступавших странную мысль сказал: мол, из тайги вышел и стал писателем... Слышать такое, поверьте, нам всем неприятно... На самом же деле окружение у Сани, как, впрочем, и у всех моих детей, с младенческих лет было достаточно интеллигентным. Вот мой брат, например. Копылов Иннокентий Прокопьевич, очень любил племянника. Доцент сельхозинститута, из вестный охотовед, он и книгами разными его буквально заваливал, и на охоту с собой таскал.

А охотником, между прочим, Саня стал удачливым. Как вспоминает тот же Вячеслав Шугаев: «...Ты целый день прогаешь, даже верещаши кедровки не услышишь — пустая тайга, а вернешься к габору, Саня уже сидит, покуривает, и два три рябчика лежат у ног». Однажды заболела дочка, а Саня как раз из тайги вернулся. Покармлил ее рябчиком — ртутный столбик в термометре вниз пошел. Саня бурно радовался: «Молодец, Леночка! От моего рябчика сразу поправилась!»

Рыба тоже чуть ли не сама шла ему в руки, даже осетра в Байкале ловил... Он и Леночку брал на рыбалку. К природе, к животным пытался приобщать дочку, когда та была еще почти грудной. Вдруг хватает ее на руки — и за дверь: «Идем смотреть живого коня!» Часто спускался с дочкой к Ангаре. И она видела, как отец, сбросив ковбойку и брюки, с разбегу вросался в студеные волны. Плавал Саня лихо. Однажды с друзьями ми катался на моторной лодке по Байкалу. Пристали к берегу, чтобы перекусить. Развернули еду, глядят — лодка далеко-далеко. Видно, плохо подтянули. Хозяин лодки спасать ее струсил, а Саня не раздумывая — вдогонку.

...И вот ситуация почти повторилась. На этой же самой чертовой посудине налетели на топляк — мотор пробило, лодка перевернулась. Хозяин уцепился, стал звать на помощь, а Саня решил эту помощь сам с берега привести. Он почти достиг цели, но очень устал, вода в августовском Байкале была студеная, и сердце не выдержало...

Через два дня ему бы исполнилось тридцать пять лет...

...Оле не хватило сил оставаться в этом городе, в этом доме, и она уехала с Леночкой в Братск. И вот живет теперь здесь старая мама — с дочкой, с внучками — и все равно упрямо ждет и ждет своего Саню, который, кажется ей, однажды — чернокудрявый, с азиатским разлетом бровей — вдруг снова вбьет в эту комнату, где так студено так остро пахнет Ангарой...

Лев СИДОРОВСКИЙ

ИРКУТСК — ЛЕНИНГРАД